

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ ПАМЯТИ И ВРЕМЕНИ В ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Выпускная квалификационная работа по направлению 47.03.01 «Философия»
основная образовательная программа СВ.5026.2013 «Философия»

Исполнитель

Пальченко Виктория Сергеевна

Научный руководитель

к. филос. н., старший преподаватель

Паткуль Андрей Борисович

Рецензент

д. филос. н., доцент

Шиповалова Лада Владимировна

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Память как средство.....	6
1.1. Платон. Припоминание как путь к истине.....	6
1.2. Августин. Память как область поиска Бога.....	8
1.3. Гегель. Самопознание духа через воспоминание (die Er-innerung).....	10
Глава 2. Время: три трактовки.....	14
2.1. Анри Бергсон. Время и понятие «длительности».....	19
2.2. Эдмунд Гуссерль. Время и «абсолютный временной поток».....	22
2.3. Мартин Хайдеггер. Обыденное время и временность Dasein.....	26
Глава 3. Память, время, субъект.....	32
3.1. О субъекте: постоянство изменения.....	32
3.2. Связь между памятью и временем.....	36
Заключение.....	41
Список использованной литературы.....	44

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обращение к памяти и времени и обращение с этими понятиями сегодня является темой не только актуальной, но и прагматической. Память и время издавна играли в жизни человека одну из ключевых ролей. Обратив взор на ход истории, вряд ли удастся найти какую-либо деятельность или науку, для которой память и время не являлись бы во многом определяющим фактором. Непостижимость и загадочность этих понятий всегда заботили самые выдающиеся умы человечества. Проблематика данных понятий породила написание немалого количества трудов, но тем не менее спустя сотни лет тема памяти и времени несколько не потеряла своей актуальности. О памяти и времени много сказано и много написано. Но обширность темы и её востребованность в современном мире позволяют указать на актуальность работы, в которой прослеживаются смыслы, с которыми память и время сопряжены в традиции философского знания. Не менее важной и интересной представляется возможность понаблюдать какую роль играют память и время в бытии субъекта.

В наследии Платона можно отыскать огромное количество научных проблем, которые и сегодня составляют такую дисциплину, как философия. Именно здесь сформулированы те проблемы, которые либо принимались философами в последующие эпохи, либо же подвергались критическому рассмотрению. Многоплановое же учение Августина во многом повлияло на развитие западной философии. А выдающаяся фигура Гегеля и его философская система до сих пор вдохновляют новые поколения мыслителей. Философия начала XX века характеризует себя как некую сумму знаний накопленных многовековой историей развития западной мысли. Она встала на пороге создания нового типа мироощущения человека, который был связан как с появлением новых потребностей, так и с изменением жизни в целом. Одними из главных представителей, оказавших значительное влияние на философию XX века являются французский философ, представитель

интуитивизма Анри Бергсон, немецкий философ, создатель «фундаментальной онтологии» Мартин Хайдеггер, а так же основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль. И, несомненно, обращение к их исследованиям заслуживает особого внимания. Смысловая наполненность трудов этих философов даёт огромную возможность рассмотреть ту реальность, где на первом месте стоят жизнь и существование человека. Попытка исследовать смысл бытия, описать те формы, в которых оно являет себя миру составляет суть их работ. Важно отметить, что вопрос о времени, так или иначе, становится практически центральным у каждого из представленных учёных.

Попытка разобраться в сущности памяти и времени, рассмотреть их составляющие ставят перед собой представленные философы. Ведь и по сей день, память и время со всех сторон окружающие нас, остаются мало исследованными и захватывающими разум явлениями.

Представленная дипломная работа исследует разработанные в истории философии концепции понимания того, что такое память и время, какую роль они играют в формировании субъективности.

Объект исследования. Объектом исследования являются тексты Платона, Августина, Гегеля, Бергсона, Гуссерля и Хайдеггера.

Предмет исследования. Понятия памяти и времени во взглядах представленных философов.

Цель данной работы состоит в демонстрации различных подходов к исследованию памяти и времени и их роли в формировании субъективности. На пути к достижению поставленной цели представляется целесообразным решить следующие **задачи:**

- 1) На основе литературы изучить понятие памяти в текстах Платона, Августина и Гегеля;
- 2) Рассмотреть и описать понятие времени в понимании Бергсона, Гуссерля и Хайдеггера.

3) Раскрыть проблему сущности субъекта, а так же проследить связь между памятью и временем.

В работе широко используются такие аналитический метод, а так же метод сравнений и аналогий.

Методологическую и теоретическую основу для исследования в дипломной работе составили непосредственно труды Платона, Августина, Гегеля, Анри Бергсона, Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера, помогающие раскрыть сущность понятий памяти и времени; научные труды отечественных и зарубежных авторов в области философии.

Структура дипломной работы. Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Дипломная работа включает три главы, введение, заключение и список литературы.

Введение раскрывает актуальность, определяет степень научной разработки темы, цель исследования, раскрывает значимость работы.

В первой главе даётся описание понятия памяти как припоминания истины в трактовке Платона; роль памяти в познании Бога у Августина; воспоминания (*die Er-innerung*) как пути самопознания духа у Гегеля.

Во второй главе описывается понятие времени в представлении Анри Бергсона, раскрывается термин длительности как сущностного ощущения времени; рассматривается представление Мартина Хайдеггера об обыденном понимании времени и раскрытию понятия временности вот-бытия; раскрывается путь Эдмунда Гуссерля от обычного времени к абсолютному временному потоку.

В третьей главе поднимается вопрос о том, кто такой субъект и проводится связь между памятью и временем.

В заключении подводятся итоги проведённой работы, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме и перспективы последующих исследований.

Глава 1. Память как средство

1. Платон. Припоминание как путь к истине

В философии древних греков, человеческая мысль совершила определённый законченный круг развития. Греческая философия явила собой связное органическое целое, создала фундамент и стала основой для формирования множества последующих философских систем. Из всего богатства греческой мысли философия Платона заслуживает особого внимания. Платон как один из самых крупных мыслителей человечества оставил после себя невероятные по своей смысловой наполненности произведения. По сей день, изучение этих трудов лежит в основании изучения философии вообще и в основании всякого правильного философского образования.

Любое познание есть процесс припоминания. Душа может вспоминать некогда известные ей истины. Память представляется как некое подобие восковой доски и она является хранилищем всех знаний, как осознаваемых, так и неосознанных в данный момент. В тоже время, благодаря тому, что «... все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать.» [Менон 81 d]. Но процесс припоминания никак не отвергает обучения, которое в действительности и помогает оживить сокрытые в душе знания. Идея (эйдос) в платоновском понимании – это истинно-сущее, постигаемое только разумом, сверхчувственное бытие. Идея есть причина и образец всех вещей, находящихся в чувственном мире, источник их реальности. Идея противопоставляется у Платона чувственным подобиям в мире вещей. «Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что

есть вечно возникающее, но никогда не сущее» [Тимей 27d – 28a]. Чувственные вещи изменчивы и преходящи, в них нет устойчивого и прочного. Напротив же, идея, не подлежит изменению, она вечная сущность, всегда равная самой себе. Несовершенство человеческого способа мышления внушает ему неверное представление, будто идеи, как и чувственные вещи, существуют в некоем пространстве и они обособлены друг от друга. Об этом Платон пишет: «мы видим его как бы в грезах и утверждаем, будто всякому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует» [Тимей 52b]. По Платону такой взгляд ошибочен, поэтому, даже «пробудившись, оказываемся не в силах сделать разграничение и молвить истину, а именно что, поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного, как бы прилепившись к сущности, или вообще не быть ничем» [Тимей 52c]. Следовательно, только в довольно неточном смысле к идеям могут прилагаться определения пространства, времени, числа, т.к. идеи совершенно невыразимы ни в чувственном опыте, ни в понятиях и категориях чисел, времени и пространства.

Говоря о памяти, фокус внимания сразу падает на два вопроса: «О чём воспоминание?» и «Кому оно принадлежит?» Слово *mne* – память (воспоминание, как чувство, рождённое пассивно) и *anamnesis* – припоминание (воспоминание, как процесс поиска). Задача человека – приложив усилие припомнить истину, содержащуюся в нём изначально. Познание как процесс припоминания встречается в диалоге Менон. Герой диалога Менон даёт формулировку парадокса: мы не можем найти и понять того, что ищем, так как не знаем, что именно искать; если же нам известно искомое, то поиска становится бессмысленным. Рассуждая об этой дилемме, Сократ делает предположение, что душа имеет свойство вспоминать некогда известные ей истины. «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все

и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно». [Менон 81 с]. В Меноне так же есть пример того, что такое припоминание. Одному из рабов Менона задают вопрос, желая узнать какова будет длина стороны квадрата, площадь которого в два раза, чем у данного. В то время было известно, что длины сторон квадрата в числах несоизмеримы с длинами сторон квадрата площади в два раза большей. Сократ не ожидает от в ответ точного целого числа или дроби, поскольку длина, которую следует найти будет числом иррациональным. У греков считалось, что расчёты, связанные с иррациональными числами, стоит проводить лишь с помощью геометрических решений, а значит и задача Сократа решается путём геометрических построений, а не математических расчётов. Сначала юноша ошибается дважды: сначала строя квадрат и удваивая его площадь, затем – в полтора раза увеличивая сторону квадрата относительно длины. И только на третий раз он вычерчивает квадрат, удваивая его площадь с помощью диагонали меньшего квадрата. Неверные ответы свидетельствуют о попытке рассуждения, а последующее отбрасывание этих ответов – это уже процесс припоминания. Вопросы, задаваемые юноше собеседником помогли ему определить, что сторона фигуры с удвоенной площадью и есть диагональ квадрата, после чего Сократ сделал заключение о возникновении истины, рождённой усилиями припоминания.

2. Августин. Память как область поиска Бога

В творчестве Августина центральное место всегда занимал вопрос о человеке: кто такой человек и как ему жить в этом мире? Главной же задачей человека, по мнению Августина, является постижение Бога, но руководствуясь рассуждениями Платона, Августин полагал, что Бог

находится за пределами чувственно воспринимаемого мира и недоступен для непосредственного познания. «Исповедь» Августина явила собой начало традиции интроспективного взгляда и интеллектуального самоанализа. Августин считает, что именно практическая память выступает образцом припоминания, в отличие от Платона, который считает таким образом созерцание чисел и небесных сфер. Память у Августина представляет собой припоминание о нашей сотворённости, которая кроется внутри каждого человека. Осознание этой сотворённости не обращено на внешний мир, а существует как любовь к Богу, и чтобы добраться до этой осознанности, нужно перенести взор на то, что содержится в памяти, ибо там и есть Бог. Если мы хотим познать Бога, у нас для этого есть всё. Бог является высшей сущностью и причиной существования всего. Бог – это нематериальный, всемогущий Абсолют, «...Ты существуешь, и сущность Твоя неизменяема».¹ И именно памяти Августин чувствует пребывание Бога, он пишет: «Где же пребываешь ты, Господи, в памяти моей, где ты там пребываешь? Какое убежище соорудил Ты себе?...Несомненно одно: Ты живешь в ней, потому что я помню Тебя с того дня, как узнал Тебя, и в ней нахожу Тебя, Тебя вспоминая».²

Вечность – это то где пребывает Бог, «сегодняшний день Твой – это вечность; поэтому вечен, как и Ты, Сын Твой, Которому Ты сказал: "сегодня Я породил Тебя". Всякое время создал Ты и до всякого времени был Ты, и не было времени, когда времени вовсе не было».³ Августин считает память фундаментом внутреннего опыта человека, а значит и возможностью познать Бога. Память заключает в себе весь прошлый опыт и знания человека, а так же впечатления, полученные через внешние органы чувств. Память даёт нам возможность оживлять давно ушедшие в прошлое события, Августин пишет

¹ *Августин Аврелий* Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь : Абельяр П. История моих бедствий.: Пер. с латин. – М.: Республика, 1992. С. 89

² Там же С. 145

³ Там же С. 166

об этом так: «Детства моего, например, уже нет, оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нём думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей.»⁴ Учение о памяти показывает нам, каким образом Августин относится к внутреннему опыту, чувствам, понятию интериорности. Память выступает вмещилищем всего многообразия психики человека, вплоть до глубоких слоёв. Метафоричность размышлений Августина продолжает традицию внутреннего созерцания, где можно проследить учение Платона о знании как припоминании. Учение о памяти, как и другие части философии Августина, имеет теологическую основу. Духовной основой выступает значение образа, отсылающего к положению о сотворённости человека по образу и подобию Бога. И человек, будучи созданным таковым, забыл, в чём именно заключено это подобие и теперь отчаянно в памяти ищет ответ на этот вопрос.

1.3. Гегель. Самопознание духа через воспоминание (die Er-innerung)

Через припоминание (die Er-Innerung) духу открывается возможность познания себя самого. Дух достигает самопознания или абсолютного знания через воспоминание (die Er-Innerung) своего собственного опыта. Как пишет Гегель: «Но *воспоминание* (die Er-Innerung) сохранило этот опыт и есть внутреннее (das Innere) и фактически более высокая форма субстанции».⁵ Говоря точнее, Гегель определяет воспоминание как часть пути духа к постижению самопознания, который разворачивается в некотором временном и историческом измерении. Воспоминание – это процесс, охватывающий все основные шаги, которые дух должен выполнить для того, чтобы достичь полного самосознания, представляющего собой абсолютное знание. Как говорит Гегель: «*Цель*, абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве

⁴ *Августин Аврелий* Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь : Абельяр П. История моих бедствий.: Пер. с латин. – М.: Республика, 1992 С. 169

⁵ *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. М.: Наука , 2000 С. 410

духа должен пройти путь воспоминания о духах, как они существуют в нем самом и как они осуществляют организацию своего царства.»⁶ У Гегеля истина приобретает характер самоцели и Абсолюта, а её достижение осуществляется ради неё самой, а не ради некой внешней цели. Таким образом, Гегель представлял Абсолют не статичной, а динамичной субстанцией, находящейся в развитии. Данное развитие имеет диалектический характер, а именно представляет собой разворот путём отрицания наличных состояний, превращение их в собственную противоположность и последующий сход этой противоположности. Вместо статичной онтологии, Гегель предлагает динамичную, не только бытие, но и само становление субстанции интересует его. Как пишет Гегель: «Ибо суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением».⁷ Даже истина представляет собой не что иное как процесс. Гегель говорит: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в тоже время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого».⁸

Правда восхождение происходит как самодвижение мысли, поскольку предметом, на который направлена деятельность сознания, является понятие, постепенно преобразующееся в ходе прогрессивного развития от несовершенной ко всё более совершенной и далее к завершённой форме, как

⁶ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000 С. 410

⁷ Там же С. 9

⁸ Там же С. 9

к пределу познания. Таким образом, события реальной истории понимаются лишь как внешнее выражение того или иного этапа саморазвития духа. Движение мысли всякий раз начинается с осознания того, что предмет мысли оказывается не таким, каким он представлялся сознанию на предыдущей ступени логической «лестницы», ведущей к истине. Подъём на следующую ступень сопряжён с преобразованием представления о предмете. Но, если теоретическая деятельность – это преобразование самого предмета, то у Гегеля теоретическое познание предмета оказывается тождественным его практическому преобразованию. Формирование нового знания о предмете выступает одновременно и формированием самого предмета. Поскольку же предметом является понятие, то есть мысль, составляющая какую-то часть содержания сознания, возникновение нового предмета есть, следовательно, и изменение самого сознания. Поэтому можно сказать, что для Гегеля достижение нового знания есть продуцирование новой формы сознания. Как пишет Гегель: «Здесь это предстает в следующем виде: так как то, что сперва казалось предметом низведено для сознания до знания о нем, а то что *в себе*, становится некоторым бытием этого «в себе» для сознания, то это есть новый предмет, вместе с которым выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. Это-то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования сознания в ее необходимости».⁹ Имеющееся у человека представление о предмете сначала кажется ему самим предметом, и относится он к этому представлению как к предмету. Однако как только он осознаёт, что это всего лишь представление, отношение к нему меняется. Теперь предметом ему кажется новое представление, в котором раскрывается более глубокая сущность познаваемого, однако и эта иллюзия преодолевается в дальнейшем движении познания. Так, поднимаясь со ступени на ступень, познание достигает вершины, на которой истинная сущность раскрывается во всей своей полноте. Восхождение познания по ступеням – это движение к

⁹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000 С. 53

иной форме сознания, каждый раз выход из более ограниченной формы к более совершенной. Истина, таким образом, понимается у Гегеля не как средство, помогающее человеку в преобразовании мира, а как абсолютный конечный пункт движения мысли. После достижения этого пункта сознанию уже ничего не остаётся делать, кроме как удовлетворённо созерцать обрётённую истину. Истина же существует в форме, требующей постепенного раскрытия, путём приближения к ней. Поэтому практика у Гегеля выступает не как практика усовершенствования мира, а как способ обнаружения познавательной деятельности Абсолюта. Она не направлена на предметный мир и вообще равнодушна к нему. Ведь её основная задача – обеспечить переход уже имеющейся в содержании сознания истины из скрытой формы в открытую. Такое следование саморазвитию по определённым этапам, может привести человека к достижению истины и успокоению в её созерцании.

Глава 2. Время: три трактовки

Обратив свой взор на историю времени, можно заметить, что оно не всегда понималось в привычном для современного человека виде. Колоссальный переворот в человеческом представлении о времени произошёл в средневековом обществе. До этого периода, организация человеческой деятельности строилась по иным принципам. Как пишет Г. Ф. Сунягин: «Известно, например, что мифологическое, или мистическое, время есть, конечно, образное осмысление событийных последовательностей охотничье-номадического образа жизни, в котором мир, в его архетипах, т.е. как добыча и способы её присвоения, дан изначально.»¹⁰ Таким образом, череда происходящих дел сводилась к воспроизведению изначально установленного порядка действий, отход и изменение которого расценивался как некая оказия, которую необходимо было превзойти и вернуться к ранее заведённому ходу событий. В данной обстановке время предстаёт некими замороженными отрезками, практически идентичными по отношению друг к другу, в виде отдельных порывистых действий. «Соответственно возникновение эпического или органического времени, которое отличается от мифологического никак не менее, чем от счётно-механического времени буржуазной эпохи, означает, что произошёл радикальный переворот в самих производственных основах общества: на смену единовременным актам присвоения готовых, изначально данных благ природы приходит процесс регулирования созидающих циклов органического роста.»¹¹ Время органическое течёт неторопливо и равнодушно, по сравнению с беспокойным

¹⁰ Сунягин Г.Ф. Часы и осознание необратимости времени / Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред.-сост. В. Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. С. 124

¹¹ Там же С. 125

мифологическим временем. В традиционном времени один цикл сменяет другой, смиренно проходя этапы от начала до конца, соответственно природным циклам. Таков ритм, например, крестьянского уклада жизни.

Время – это форма внутреннего чувства, представляющая собой наиболее общую характеристику «психических фактов». Между временем и субъективностью существует, в действительности, очень близкая связь. Мы должны создать концепцию субъекта и времени, где они внутренне сообщаются и тогда можно будет сказать о временности то же самое, что говорится, например, о пространственности, т.е. в существовании чего не может быть случайных или просто внешних атрибутов. Существование не может быть пространственным или временным не являясь таковым целиком и полностью. Какой угодно анализ, безусловно, затрагивает на деле самого субъекта. Первичные и вторичные проблемы сливаются, становясь концентричными. Анализ времени – это проникновение через него в конкретную структуру, в концепцию субъективности. Нужно рассматривать время само по себе, следуя внутренней диалектике. В результате этого мы придём к преобразованию идеи субъекта. Прекрасную метафору о времени приводит персидский поэт Хазрат Инайят-хан: «Время! Я никогда не видел тебя, но я слышал твои шаги».¹² Существует так же такое понятие, как течение времени и проявляется для нас словно вода, за движением которой мы можем наблюдать. Если сравнить время с рекой, то мы увидим, что оно течёт из прошлого момента в настоящий и даже в будущий. Различные события, к примеру, если мы следим за движением воды, фиксируются нами в целостности пространства и времени существующего мира. Относительно метафоры Гераклита, известно, что время подобно потоку или текучей субстанции. Прошлое не подталкивает настоящее, настоящее не подталкивает будущее, будущее не может создаваться за спиной наблюдателя, оно создаётся перед искомым наблюдателем, примерно как возникающая на

¹² *Инайят-хан* Хазрат Гаян: песнь суфия / Хазрат Инайят-хан ; пер. С англ. С. Романенко. – 4-е изд. – М.: Амрита, 2013. С. 14

горизонте гроза. Получается, что время – это и не реальный процесс и не последовательность в действии, которую можно зарегистрировать. Время – это связь с вещами, в которых пребывают будущее и прошлое в вечном предсуществовании и вечном постсуществовании. Вода, например, которая будет истекать завтра – уже существует как вода, которая прошла от истока, и которая уже есть в долине. То, что для нас является прошлым и будущим, уже есть в мире в настоящем времени. Есть понятие некоего предела, где происходит как бы «рассыпание времени». Это понимается как то, что в самих вещах ещё нет будущего, уже нет прошлого, а настоящее и есть вот этот самый некий предел. Раз мир объективный не может нести время, это не значит, что он слишком узок, просто нужно добавить ему толику прошлого и будущего. Прошлое и будущее есть в мире как избыток, существуют они в настоящем. Бытию самому по себе недостаёт небытия, которое связано с понятиями «нездешность», «некогда» и «завтра». Нет выигрыша в переводе времени из вещей в нас. Однако именно это делают психологи, когда пытаются объяснить сознание прошлого через воспоминания, сознание будущего – через проекцию этих воспоминаний, следовательно происходит дискредитация идеи телесного сохранения прошлого, тело не приёмник остаточных возбуждений, а орган пантомимы, обеспечивающий интуитивное осуществление интенций сознания. Ни психический, ни физиологический «след» прошлого не объясняет осознания того же прошлого. Возьмём, к примеру, стол, обычный, рабочий. На нём следы прошлой жизни – чернильные пятна, что-то вырезано, нацарапано. Это всё не отсылает нас к прошлому, а присутствует в настоящем и если мы находим в них знаки чего-то «предшествующего», то это происходит потому, что мы сами обладаем смыслом этого прошлого и несём в себе это значение. Следы телесного процесса хранит мозг, ибо он сопровождал восприятие и если снова возникнет возбуждение этой темы, то всё пойдёт прежним проторённым путём. Если мы попробуем заменить физиологический след психическим, и если наши восприятия находятся в бессознательном, то оно всё равно

продолжает существовать и постоянно находится в настоящем, и не открывает позади нас измерения ускользания и отсутствия, что и является прошлым. Обрывок пережитого – это повод для мысли о прошлом. Конституировать будущее нельзя при помощи содержания сознания. Действительное содержание, даже при наличии двусмысленности не может являться свидетельством о будущем, потому что его всё ещё не было и не было наличия его отметин. Таким образом, отношение будущего к настоящему ни что иное, как отношение настоящего к прошлому. Настоящее всегда проходит и определяется как ближайшее прошлое, действительное настоящее как просто прошлое, а будущее – провал, образующийся перед настоящим. Такая перспекция – это на деле ретроспекция, а будущее – проекция прошлого. Мы можем представить себе будущее при помощи того, что мы уже видели. Чтобы увидеть будущее перед собой нужно обладать смыслом будущего. Как и всё остальное, настоящее, которое является неповторимым пройдёт, но нужно, чтобы оно могло заявить о себе, как об уходящем и со стороны будущего должно ощущаться в этом случае реальное давление. Бег времени не только переход настоящего в прошлое, но и трансформация будущего в настоящего. Ретроспекция – это перевёрнутая перспекция. Прошлое и будущее понятия не простые, они образуются посредством абстракции, истекая из наших воспоминаний в виде простых обозначений. Присутствие субъекта в интенции прошлого или будущего может происходить лишь вне его расположения там. Время не нужно называть «данностью сознания». Скажем так: само сознание может конституировать или разворачивать время. Так как время идеально, то сознание перестаёт быть законченным в настоящем. Но есть ли выход к прошлому и будущему? Когда нет преследования настоящего, то осуществляется переход от прошлого и будущего к удалённому настоящему, которое существует как настоящее лишь благодаря установке сознанием связи между настоящим, прошлым и будущим. Время, как имманентный объект сознания, есть время нивелированное, т.е. уже не являющееся

временем. Время может быть сохранено, но если оно не разворачивается целиком, и если прошлое, настоящее и будущее не имеют один и тот же смысл. Суть времени в его осуществлении и в невозможности быть конституированным, т.е. отличной от субъекта неподвижной средой, где ничто и ничего не происходит. Должно существовать другое время, истинное, где можно узнать, что такое прохождение или переход в своём истинном смысле. Время нуждается в синтезе и этот синтез нужно постоянно начинать сначала. Мы начинаем отрицать время если оно кажется нам завершённым. Мечта философа – постичь «вечность жизни» по ту сторону постоянного и изменчивого мира, где присутствует плодотворность времени. Если и придётся столкнуться с чем-то вроде вечности, то это произойдёт в глубине нашего опыта относительно времени, но не во временном субъекте, призванном его мыслить и полагать. Нужно прояснить время в момент зарождения и в процессе проявления, которые всегда подразумеваются в понятии времени и которые являются не объектом знания, а измерением нашего бытия. Своим временным порядком и временным положением обладает и более отдалённое прошлое по отношению к настоящему, но лишь в той мере, в какой само оно было настоящим, т.е. продление пережитого вплоть до настоящего момента. Когда оживает отдалённое прошлое, заново открывается время и осуществляется перемещение в тот момент, когда оно ещё имело ныне закрытый горизонт будущего и ближайшего прошлого, на сегодняшний день уже далёкого. Есть как бы поле наличного присутствия, являющееся первоначальным опытом, где время и его измерения обнаруживаются лично, не имея промежуточной дистанции в конечной очевидности. Именно там наличествует будущее, проникающее в настоящее и прошлое. Будущее образуется не только из мечтаний и предположений. Наш мир продолжается путём интенциональных линий, которые заранее определяют стиль того, что произойдёт, хотя мы и ожидаем появления чего-то другого и так на протяжении всей жизни.

2.1. Анри Бергсон. Время и понятие «длительности»

Мысли выдающегося французского философа Анри Бергсона, касающиеся разных областей знания, и по сегодняшний день не утратили своей значимости. Его разработки в отношении понятия времени оказались важны для истории философской мысли, но также и во многом отразились на развитии наук естественного цикла. В своём учении Бергсон поставил задачу о выявлении непосредственного восприятия времени, в момент, когда оно свершается. Рассел подмечает, что «одной из наиболее примечательных черт философии Бергсона является то, что в отличие от большинства мыслителей он рассматривает время и пространство как глубоко различные вещи. Пространство – характеристика материи – возникает при рассечении потока; оно в действительности иллюзорно, полезно до некоторой степени на практике, но чрезвычайно вводит в заблуждение в теории. Время, наоборот, есть существенная характеристика жизни или разума.»¹³ Время – это безостановочный поток, полагает Бергсон, но благодаря нашему специфическому восприятию, мы приписываем идею пространства чистой длительности: «...мы рядопологаем наши состояния сознания и воспринимаем их одновременно не одно в другом, но одно рядом с другим; ...».¹⁴ Тем самым происходит проецирование времени в пространство, последовательность вытягивается в непрерывную линию, части её соприкасаются, но проникнуть друг в друга не могут. Из этого следует, что мы как бы разбиваем время на отдельные части, отслеживая его с помощью часов или каких-либо иных средств его определения. Время, которое воспринимается человеком, не является последовательностью следующих одного за другим моментов, а наоборот, довольно изменчиво и обладает динамикой. Человек, будучи живым и обладающим сознанием организмом,

¹³ *Рассел Б.* История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001 С. 926.

¹⁴ *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания: Время и свобода воли. Пер. с фр. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2012 С. 74.

переживает время специфически. Стрела времени, по Бергсону, односторонне направлена и необратима. Рассел пишет: «Математическое время, согласно Бергсону, есть в самом деле форма пространства;...»¹⁵ Существующее для математики время полностью линейно, и в любой момент в нём есть возможность вернуться к интересующей нас точке и, на самом деле, получается, что оно имеет большее отношение скорее к пространству, чем к времени как таковому. Как говорит Бергсон: «На этом основании наука оперирует над временем и пространством, предварительно исключив из них их существенный качественный элемент; из времени она исключает длительность, из движения – движимость»¹⁶. В человеческом же восприятии дело обстоит иначе – схватить какой-то отрезок времени или переместиться в него представляется невозможным. Как верно подметил Томас Стернз Элиот, слушавший лекции Бергсона в Сорбонне, в своей поэме «Четыре квартета»: «...во времени точек нет».¹⁷ Такое переживание времени Бергсон именуется «длительностью», которое и есть по сути вечное становление, улавливаемое лишь интуицией человека. Рассел пишет: «Чистая длительность есть то, что наиболее удалено от внеположности и меньше всего проникнуто внеположностью, это – длительность, в которой прошлое чревато совершенно новым настоящим. Но тогда наша воля напряжена до предела, нам надо собрать прошлое, которое ускользает прочь, и втолкнуть его целым и нераздельным в настоящее. В такие моменты мы действительно владеем собой, но моменты эти редки. Длительность есть тот самый материал

¹⁵ *Рассел Б.* История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001 С. 926.

¹⁶ *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания: Время и свобода воли. Пер. с фр. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2012 С. 84.

¹⁷ *Элиот Т.С.* Стихотворения и поэмы : [сборник; перевод с английского] / Томас Стернз Элиот. – Москва: АСТ, 2013 С. 323.

действительности, который находится в вечном становлении, никогда не являясь чем-то законченным.»¹⁸

Чтобы действительно что-то постичь, сознанию необходима интуиция, которая является тем самым ключом к истинному человеческому порыву. Интуиция всегда соотносится со временем, так же, как интеллект всегда имеет связь с пространством. Интуиция – это инстинкт, реализовавшийся в высшей форме, который может войти в творческий порыв и познать жизнь саму по себе.

По мнению Бергсона, длительность имеет непосредственную связь с памятью. Одну из главных ролей в восприятии играет память, т.к. она осуществляет связь между прошлым и настоящим, участвует в процессе удержания и передачи воспоминаний к текущему моменту. Как об этом говорит И.И.Блауберг: «Именно память делает возможной организацию состояний сознания и обеспечивает *сохранение прошлого в настоящем*, что представляет собой, по Бергсону, одну из главных черт длительности.»¹⁹ Тем самым получается переживаемая человеком длительность, которая под влиянием накопления пережитых моментов прошлого получает своё усложнение и изменение. Прошлое не влияет на жизнь человека в настоящем, полагает Бергсон, так как человек может меняться и действовать спонтанно. Касаемо же мира материи, Бергсон высказывает мнение о том, что он не имеет длительности и каждый случающийся момент сразу же становится прошедшим и теряет право на какое-либо существование, впрочем, как и любой момент будущего времени. Однородность присущая пространству не может быть применена к понятию времени, ибо образы, наблюдаемые в какой-то момент в пространстве сразу же исчезают переходя в последующие и т.д. Только лишь человеческая душа в силах сохранить в себе ушедшие моменты и с помощью памяти возвращать их к настоящему времени.

¹⁸ Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001 С. 927.

¹⁹ Блауберг И.И. Анри Бергсон. – М. : Прогресс-традиция, 2003. С. 96.

Истинное понимание времени кроется в понятии длительности, благодаря которой все моменты, переживаемые человеком, выстраиваются в некоем порядке, но не пристраиваются вплотную друг к другу, а как бы наслаиваются один на другой. Состояния сознания делятся лишь по качеству, но не по количеству, тем самым истинная длительность не поддаётся измерению.

Стоит отметить, что важную роль в человеческом восприятии настоящего, по мнению Бергсона, играет связь с прошлым. В книге «Материя и память» он поясняет это таким образом: «Если же вы будете рассматривать настоящее, конкретно и реально переживаемое сознанием, то можно сказать, что это настоящее в значительной своей части состоит из непосредственного прошлого»²⁰. Получается, что в практическом смысле мы воспринимаем то, что только прошло и что мы с помощью воспоминания предъявляем в настоящее. В этом плане нельзя не отметить оригинальность указаний Бергсона на истинно временной характер, принадлежащий времени, освобождающий его из-под власти пространственных отношений. Восприятие, которое отрезано от памяти – патологично, зависит от случайности и психики. Ничто иное, как время, выявляет память, а память даёт возможность вернуться к какому-либо событию, произошедшему в прошлом, благодаря воспоминаниям, фантазии же, создаваемые сознанием, дают нам доступ к предполагаемому будущему.

2.2. Эдмунд Гуссерль. Время и «абсолютный временной поток»

Исследование понятия времени, Гуссерль начинает с разделения его на два полюса, а именно на имманентное время и объективное время, постепенно переходя к рассмотрению абсолютного временного потока. Восприятие чего-либо во времени Гуссерль рассматривает с нескольких

²⁰ Бергсон А. Материя и память. Собр. соч. т. 3, СПб., 1909. С. 149.

сторон: 1) момент Теперь, как непосредственно возникающая импрессия или имагинация, 2) сознание прошлого или ретенция, являющегося некой копилкой для некогда актуальных моментов Теперь, 3) будущее или протенция, содержащее в себе предвосхищение каких-либо событий. Особенной чертой схватывания объекта времени в момент Теперь, является всегда предшествующая точка от только что свершившегося момента времени. Как поясняет В.И. Молчанов: «Теперь-фазы» восприятия непрерывно подвергаются изменениям: то, что конституируется посредством этих фаз и ретенций, постоянно погружается в прошлое, и в этом погружении мы можем, согласно Гуссерлю, найти фиксированные временные точки в объективном времени.»²¹ Сознание может взаимодействовать как с актуальными на данный момент объектами времени, но так же и с теми, которые хранятся и воспроизводятся в воспоминании. Отличие их состоит в том, что в воспоминаемом объекте момент Теперь не является актуальным, но тем не менее он имеет свою силу. Несмотря на кажущуюся разницу в ощущении и представлении этих моментов, Гуссерль считает воспроизведение объекта и его непосредственное восприятие полностью идентичными. Гуссерль так поясняет этот момент: «Таким образом, воспоминание действительно подразумевает репродукцию предшествующего восприятия; однако, воспоминание не есть в собственном смысле представление о нём: восприятие не имеется в виду и полагается его предмет и его Теперь, которое полагается к тому же в отношении к актуальному Теперь. Я вспоминаю освящённый театр [каким он был] вчера, т.д. я осуществляю «репродукцию» восприятия театра, таким образом, театр дан мне в представлении как настоящий, это я имею в виду, однако, при этом схватываю это настоящее как прошедшее по отношению к актуальному настоящему теперешних актуальных восприятий. Конечно, теперь очевидно: восприятие театра было, я воспринимал театр. Вспомненное является как

²¹ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 117.

бывшее настоящее, и притом непосредственно интуитивно; и оно является так потому, что интуитивно является настоящее, которое отстоит от настоящего, [обладающего] актуальным Теперь.»²² Всем временным объектам следует быть конституированными. Каждый момент Теперь является бывшим и ещё более ранним бывшим и т.д. Как пишет Гуссерль: «В этом Теперь в то же время есть ретенция прошедшего Теперь все уровней длительности, которую мы теперь осознаём»²³. Таким образом получается, что каждое прошедшее Теперь включает в себя все предшествующие уровни. «Возможность вернуться в воспоминании к тому же самому объекту в том же самом временном горизонте, создаёт по Гуссерлю, возможность создания единого объективного времени.»²⁴ – пишет Молчанов. Важно заметить, что все объекты рефлексии, будь то восприятие, воспоминание, ожидание, фантазия существуют у нас в субъективном времени. Выделив в изучении сознания времени основные направления, Гуссерль так же устанавливает различные уровни конституирования: 1) вещи опыта в объективном времени, 2) конститутивные многообразия явлений различных уровней, 3) абсолютный темпорально-конститутивный поток сознания. В свою очередь, поток не обнаруживает себя во времени, т.к. иначе он бы являлся объектом и мог бы быть воспринят, что повлекло бы за собой бесконечное число потоков, где каждый последующий поток конституировал бы предыдущий. Для того чтобы избежать таковой редукции сознания, Гуссерль говорит о субъективном времени, которое «конституируется в абсолютном

²² Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И. Молчанова – М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 62.

²³ Гуссерль Эд. Там же. С.127.

²⁴ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 119.

вневременном сознании, которое не есть объект».²⁵ Здесь встаёт вопрос о том, как поток сознания может включать в себя и длительность временного объекта, так и свою собственную. На это Гуссерль отвечает, что «самоявленность потока не требует второго потока, но как феномен он конституируется в себе самом».²⁶ Схватывание абсолютного потока всегда происходит внутри человека, он является некоторой системой отсчёта. В самом потоке нет движения, нет времени, он целокупен сам в себе. В тоже время из него рождается этот момент Теперь, а так же ретенция и протенция. Встаёт вопрос, каким же образом возможно произвести схватывание данности абсолютного потока, то есть того что никогда не являлось объектом? Для решения данного вопроса, Гуссерль использует пример со свистом и раскладывает восприятие на несколько степеней:

- «1) Я имею восприятие парового свистка, или лучше свиста свистка.
- 2) Я имею восприятие самого тонального содержания, которое длится, и тонального процесса в его длительности, не обращая внимания на его встроенность в природу.
- 3) Восприятие тонального Теперь и одновременно поворот внимания к связанному с ним тональному только-что-бывшему (Ton-Soeben-gewesen).
- 4) Восприятие сознания-времени в Теперь: я обращаю внимание на Теперь-явление (Jetzt-Erscheinen) свиста, или тона, и на Теперь-явления свиста, так-то и так-то простирающегося в прошлое (в этом Теперь мне является Теперь-фаза-свиста и непрерывность оттенения)»²⁷.

²⁵ Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И. Молчанова – М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 128.

²⁶ Гуссерль Эд. Там же. С. 88.

²⁷ Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И. Молчанова – М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 129.

Из примера видно, что сознание времени может спокойно восприниматься без становления его каким-либо объектом. Даже если превратить его в объект, то временное измерение останется в виде следования от момента Теперь к последующему моменту Теперь. Таким образом, законченный поток, имеющий связь с каким-либо событием, всегда запечатлевается в памяти. Длющийся момент, помимо своего непосредственного протекания, всегда имеет расположение в любой из фаз потока, и тем самым поток не нуждается во втором потоке, т.к. всегда сам обеспечивает своё единство.

2.3. Мартин Хайдеггер. Обыденное время и временность Dasein

Путь к пониманию понятия временности у Хайдеггера необходимым образом проходит через обыденное понимание времени. Для того чтобы уяснить феномен времени, недостаточно просто взять какое-либо одно конкретное или несколько определений времени. Традиционные определения, конечно, могут послужить ориентиром в понятии времени, но одновременно с этим встаёт и вопрос о том, откуда изначально возникли те самые определения. Уже в античности установилось некоторое количество интерпретаций времени. Аристотель в своих размышлениях обозначает время как «число движения по отношению к предыдущему и последующему» (Физика, IV, 11, 219b). Отличительные свойства времени, которое понимается обыденным образом, определяют свою основу в исходном времени. «Время в своей расхожей понятности представляет собой свободнопарящую последовательность «теперь»». ²⁸ Тем самым, расхожее понимание времени подразумевает под собой череду постоянно имеющихся в наличии, приходящих и уходящих моментов «теперь». Этот некий момент «теперь» и становится подлинно сущим, в то время как другие моменты

²⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический Проект, 2013. С. 355.

«теперь», либо уже не являются сущими и относятся к прошлому, либо пока ещё не являются сущими и относятся к будущему. В бесконечной последовательности теперь не наблюдается пробелов, каждый момент «теперь» непрерывно и безразлично перетекает в последующий момент «теперь» и т.д. Исходя из этого, следует понять, каким образом «теперь» переходит в «теперь»; каким образом и откуда появилось время как «теперь», «тогда» и «потом»; каким образом и на каком основании «теперь», «тогда» и «потом» существуют в какой степени имеют характер наличности; каким образом время считается исчисляемым, и как тем самым ему удаётся быть выявленным. Наглядным примером расхожего понимания времени может послужить практика использования часов, при этом следует учитывать, что сложность механизма никак не влияет на конечный результат. Часы обеспечивают некий доступ ко времени, наблюдение за последовательностью бесконечно следующих друг за другом моментов «теперь», из чего следует, что время есть необратимость, направленная лишь в одну сторону. Следует добавить, что при этом проживается некий опыт самого феномена времени и у субъекта, переживающего этот опыт встаёт вопрос, каким же образом возможно то самое время. Смотрение на часы означает не схватывание времени как такового, а лишь указание на некий промежуток «на что я отвёл себе время?», «сколько времени осталось до того-то?». Смотрение на часы – это ритуал отведения для себя времени. Человек наделил часы временем, но эта формальность не даёт возможности обнаружить в механизме время как таковое. Время даёт нам постоянное «теперь», но каждое последующее «теперь» совершенно отдельно и не составляет с предыдущим последовательной неразрывной цепи. Каждое «теперь» тождественно себе в моменте «больше-не» и «ещё-не». Момент «теперь» не выставляет границы между протеканием времени, он имеет скорее характер случайности. Времени принадлежит прошедшее и будущее, тем не менее первого больше уже нет, а второго ещё нет, следовательно, они имеют характер ничтожности. Из этого выходит на первый план основной феномен времени – «теперь».

Схватывание времени происходит через «теперь-ещё-не» и «теперь-уже-не». Несмотря на то, что каждый момент «теперь» имеет различие на «ещё-не» и «уже-не», в основе своей он бессодержателен и тем самым идентичен всем остальным моментам «теперь». Из этого следует, что цепочка идущих друг за другом моментов «теперь» непрерывна, а значит указав на любой промежуток этой цепи, даже самый маленький, мы попадём в момент «теперь». Время есть нечто относящееся к движению, но движение само по себе не есть время. Время есть там, где есть счёт. В античном понимании время - круг (аналог вращения внешнего неба). Время, исчисляемое в движении, ничего нам не даёт. Вещи изменяются временем, потому что оно имеет характер перехода. Поэтому геометрические величины и фигуры, всегда находясь по другую сторону покоя и движения, не изменяются. Каждое «теперь» по своей сути есть некое «теперь-вот», а значит оно имеет приуроченность к сущему из которого датируется, следовательно, «теперь» как обозначение времени является экстатически распаханутым, т.е. имеющим своё начало во временности. Это сущее будучи экстатически соотносящимся «теперь» как настоящее, открывается как экстатически-горизонтальное, т.е. экстатическое «теперь» становится соотнесённым с чем-то. Важно отметить, что непрерывная последовательность моментов «теперь», не имеющая пробелов, будет являться как бы «бесконечным» временем, так как невозможно найти начало этого времени и определить конец. Отсюда выходит, что хоть каждый момент «теперь» и отделён от другого, всё же неотличим от любого другого такого момента.

Откуда же именно начинается непосредственно воспринимаемое нами время? Находясь в ожидании чего-то, человек в своём вот-бытии (Dasein) тем или иным образом соотносит себя с собственной способностью быть. Само ожидание ставит человека в ожидание собственного вот-бытия. Вот-бытие понимается из собственной способности быть, в ожидании которой и находится. В этом качестве оно всегда идёт впереди самого себя, подступая тем самым к обнаружению человеком того, что он есть сам. Ожидая

собственную способность быть, вот-бытие всегда уже имеет подступ к самому себе. Данное подступание вот-бытия к самому себе обозначается как будущее-наступающее. В процессе удержания или забывания чего-либо, вот-бытие определённым образом соотносится с тем, чем оно уже было ранее, тем самым сущее, называемое прошлым, так или иначе удерживается или забывается. В момент удержания или забывания, вместе с сущим в удержании находится и само вот-бытие, находя основу для удержания в том, чем оно уже было. Некогда бывшее вот-бытия, то чем ему уже пришлось быть, принадлежит также будущему. Бывшее вот-бытия никогда не означает, что вот-бытие более не есть, наоборот же, оно есть то, чем оно и было. Так или иначе, человек не в силах отбросить своё прошлое и то, чем он был, в сущности и определяет его экзистенцию. Любое желание вытеснить, забыть или отречься от прошлого суть способ быть своим же бывшим. Вот-бытие есть, так как оно обязательно всегда есть бывшее, а бывшее оно до тех пор, пока оно есть. Когда вот-бытия уже нет, в тот момент оно уже не есть бывшее. Отсюда следует, что бывшее принадлежит экзистенции вот-бытия. Вот-бытие каждый раз имеет соотношение с определённой способностью быть, которая ему же и принадлежит, тем самым имеет возможность подступа к самому себе, а также отступа к тому, чем оно уже когда-то было. Будущее и бывшее принадлежат друг другу равным образом в своём экзистенциальном смысле. Бывшее, настоящее и будущее вместе и делают экзистенцию возможной. Экзистируя, вот-бытие удерживает себя в наличном сущем, владея им в своём настоящем. Вот-бытие соотносит себя с чем-то наличным и удерживает его в настоящем как присутствующее. Человек чаще всего теряет себя в этом настоящем, и всё выходит так, словно бывшее и будущее отходят на задний план и вот-бытие ежемоментно как бы включает себя в настоящее. Но на самом деле, употребляя значения бывшего, настоящего и наступающего в их экзистенциальном смысле, можно углядеть их определение в том, что предшествует обыденному времени. Единство бывшего, настоящего и будущего представляет собой некое исходное время,

именуемое временностью. В единстве бывшего, настоящего и будущего временность временит себя и сама по себе она экстатически-горизонтальна. Экстатически-горизонтальная временность образует бытийное устройство вот-бытия, а также раскрывается в возможности временения времени, понимаемого в расхожем смысле и принимаемого в обыденном описании как непрерывную последовательность «теперь». Бывшее, настоящее и будущее – три экстазиса временности, которые в равной степени принадлежат друг другу. В то же время, каждый экстазис, так или иначе, существует вне-себя и имеет направление, которое различно у каждого из экстазисов. Как пишет А.Г.Черняков: «...мы должны признать, что экстазис бывшего указывает в своём собственном «направлении», отличном от того направления, в котором указывает экстазис наступающего или настоящего.»²⁹ «Вперёд-себя» имеет свою основу в настоящем; «уже-бытие-в...» показывает в себе бывшесть; «бытие–при...» осуществляется в своей актуализации. Части входящие в структуру временности вот-бытия Хайдеггер называет эк-стазисами. Термин заботы призван показать отличительный момент бытия человека от всех остальных существующих вещей. По словам Хайдеггера: «Исходное единство структуры заботы лежит во временности».³⁰ Во временность включаются три эк-стазиса – это феномены настоящего, бывшесть и актуальности. Как говорит сам Хайдеггер: «Временность делает возможной единство экзистенции, фактичности и падения и конституирует таким образом исходно целостность структуры заботы».³¹ Становится ясно, что временные понятия, видимые в заботе, входят в состав некой структуры, которая и наделяет их статусом временных и связывая друг с другом. По мнению А.Г.Чернякова, «онтологический смысл заботы – изначальная временность, которая есть не что иное, как триада экстазисов времени:

²⁹ Черняков А. Г. *Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера.* – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001 С. 375.

³⁰ Хайдеггер М. *Бытие и время.* М.: Академический Проект, 2013. С. 327.

³¹ Хайдеггер М. Там же С. 328.

каждый из них при этом не мыслим сам по себе, но только как сторона тройственного единства». ³² Тем самым и сама временность, находясь в единстве трёх экстазисов вне-себя, будет иметь экстатический характер, а экстазисы бывшего, будущего и настоящего неразрывно принадлежать друг другу. Следовательно, если признать, что *забота является бытием вот-бытия человека, то значит смыслом бытия этого сущего становится именно временность*. Но стоит заметить один важный момент: даже если временность и является смыслом бытия вот-бытия человека, то этого становится недостаточно, т.к. выявляется смысл бытия только одного из родов сущего, а именно человека, тогда как онтология Хайдеггера предусматривает поиск смысла бытия вообще. Для разрешения данного вопроса, Хайдеггер вводит понятие темпоральности. Термин темпоральность не обозначает то же самое, что и временность. Временность как темпоральность подразумевается в качестве условий возможного понимания бытия и самой онтологии. Как объясняет Хайдеггер: «Термин «темпоральность» должен извещать о том, что временность в экзистенциальной аналитике представляет собой горизонт, из которого мы понимаем бытие.» ³³ Открытость экстазиса в ту или иную сторону составляет у Хайдеггера горизонтальную схему экстазиса временности, некий горизонт в пространстве которого раскрываются экстазисы. Как триединство бывшего, настоящего и будущего временность существует в горизонте, определённом посредством экстазисов. Следовательно, единство открытости экстазисов в направлении собственных схем-горизонтов и составляет темпоральность, которая, в свою очередь, может послужить истоком понимания бытия как такового, его способов и принципов, исходящих из временности и её экстазисов. Рассмотрение экзистенциальной аналитики вот-бытия имеет возможность выявить путь к тем схемам, которые смогут дать шанс к

³² Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 370.

³³ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001 С. 299.

пониманию бытия как такового. Возможность же бытийного понимания прямо проходит через исходное время и именно здесь экзистенциальной аналитике следует перейти от выяснения бытийности вот-бытия к его смысловым точкам, основанных на временности.

Глава 3. Память, время, субъект

3.1. О субъекте: постоянство изменения

Каждый человек существует в своём мире, в котором присутствуют знакомые ему люди и вещи, мире, где установлен довольно устойчивый набор норм и правил, то есть в так называемом реальном мире. Но воображение, фантазия изменяет форму нашего видения. Любые фантазии представляют собой некие искажённые формы, потому что в процессе фантазирования, восприятие низводится до нереальности. Фантазии являются попыткой управлять реальностью, следуя ложным потребностям. Фантазии устанавливают ложные ассоциации с попыткой извлечь из них удовольствие. Но даже имея возможность воспринимать воображаемое реальным, сделать подобное невозможно ни для кого, кроме себя. Каждый верит в то, что сам создаёт. Стоит спросить внутри себя: откуда я пришёл? Кто я? Разве я — это моё тело? Если бы я был моим телом, на самом деле, моим телом, то это тело никогда бы не изменялось. Но ведь каждый из нас был маленьким ребёнком, затем — превратился в молодого человека, затем в зрелого человека, такого, как сейчас, и продолжает постоянно меняться, меняться каждый день. Поэтому, как же могу я быть реальным? Когда мы смотрим в словаре, что означает слово «реальный», то видим, что оно

означает, «действительно существующий, не воображаемый»³⁴, нечто неизменное, нечто, что никогда не меняется, нечто, что остаётся тем же самым. Поэтому я не могу быть моим телом. Являюсь ли я думающим умом? Думающим умом я тоже не могу быть. Ибо ум постоянно меняется, он меняется каждую секунду, в результате чего ко мне приходят разные мысли: хорошие и плохие, страшные и счастливые. И это снова не реально. Поэтому я не могу быть моим умом. Являюсь ли я частью этого мира? Ну, с миром все обстоит точно так же. Он продолжает меняться, меняться, постоянно меняться, поэтому я не могу быть миром. Поэтому, кто я? Здесь кроется некое различие между тем, чем мы являемся для самих себя и тем, чем мы кажемся окружающим с определённого расстояния. В данном случае различие неизбежно, иначе мы бы не могли, находясь в конкретной точке, ни на йоту не отстоя от самих себя, быть теми, чем кажемся другим с расстояния одного метра. Отсюда следует, что мы не являемся тем, чем кажемся внешне, ибо в ином случае, идентичность всегда была бы одной и той же, с любой точки видимости. В чём разница между тем, чем мы являемся для самих себя, кто мы есть на самом деле и нашей видимостью? Каждый может иметь множество видимостей, зависящих от того насколько далеко находится наблюдатель, каково освещение, время суток и сотни других факторов. Видимости крайне переменчивы, интересны и очень достоверны, но вопрос состоит в том, действительно ли они принадлежат нам и если нет, то кто мы есть на самом деле? Данный вопрос является важным и увлекательным и первой причиной исследования вопроса истинной идентичности становится своего рода благодарность за случившееся. Мы видим, что как будто бы нам не было нужды случаться, но, случившись и получив возможность задаться вопросом «кто я?» и «что случилось?», было бы слишком малодушным и неинтересным прожить жизнь и умереть ни разу не попытавшись выяснить, кто это делает. Здесь имеется в виду, можно ли представить себе более

³⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 548

интересный и более стоящий вопрос нежели «кто я?» или вообразить себе что-то более значимое? Ведь если я живу во лжи, основываясь на том, кем я не являюсь, на воображении, то наверняка окажусь в ловушке. Таким образом, этот вопрос становится не просто увлекательным, но и очень важным практическим вопросом о том, как жить не из лжи, а из правды того, кто я. Если мы используем какой-либо инструмент, то полезно знать, к примеру, меч это или молоток, в противном случае мы рискуем причинить себе или кому-либо вред. Таким образом, каждый из нас так же является неким инструментом для своей собственной жизни и правильным подходом было бы выяснить, чем является этот инструмент. В течение жизни человека обучали и говорили ему, чем он является и каждый, так или иначе слушал и верил, не осознавая, что на вопрос, кто он есть на самом деле, никто не сможет дать ему ответ, кроме него самого. Каждый из нас – это единственная и авторитетная инстанция в вопросе того, что такое быть собой, прямо здесь и сейчас. Никто иной не может претендовать на это знание. Если же кому-то удастся найти ответ, убедительный и правдивый, то жизнь станет целостной, более разумной, осмысленной и значимой, ибо отсутствие этого лишает её достоинства в определённом смысле, которым бесспорно могла бы обладать имея осознанность. Следовательно, можно сделать вывод, что вопрос «кто я?»: а) безусловно увлекателен; б) безусловно практичен, важен. Каждый из нас, который существует здесь и сейчас, является началом, концом и смыслом всех вещей, существует в мире не в качестве его продукта, а содержит мир в себе, является тем, откуда всё возникает и куда всё возвращается. Но как же получить опыт видения того, кем я являюсь на самом деле? Нужно перестать принимать всё на веру, а смотреть так, словно смотрим впервые. Например, из какого количества глаз, по нашему ощущению мы всегда смотрим? Из двух небольших отверстий или же это больше похоже на один огромный глаз или огромное окно, из которого мы смотрим? Мы смотрим из неделимого, огромного, открытого пространства, ничем не ограниченного. Порой даже не укладывается в голове, что мы тратим свои жизни, думая, что и впрямь

смотрим на мир через два маленьких глазка, вперяемся взглядом в мри, через эти два маленьких отверстия, в то время как на самом деле, если посмотреть, конечно, если нам хватает непосредственности и смелости, чтобы посмотреть на то кто мы есть, – разве не переживаем мы жизнь из этой огромной открытости, единого глаза? Так что вопрос не только в том, чтобы смотреть на то, на что мы смотрим, но и в том, чтобы одновременно смотреть на то, из чего мы смотрим. Тем самым, получается, что эту вторую часть мы либо понимали неверно, либо вообще не задумывались о ней. То, на что мы смотрим, важно, но то, из чего мы смотрим, гораздо важнее. После этого становится ощущаемым для нас это огромное распахнутое окно, через которые мы смотрим на мир. И здесь можно убедиться, насколько это разнится с тем, во что мы приучены верить. Далее, следует привести ещё один немаловажный пример: я смотрю на другого человека, вижу его лицо, но из чего я смотрю? Находимся ли мы с тем человеком симметрично лицом к лицу, стоим ли мы друг другу? Или же есть одно лицо напротив и нет лица там, где нахожусь я? То есть, отсутствие моего лица наполнено присутствием лица другого человека. Разве есть тот момент у меня какое-то другое лицо? Мы доверяем словам и часто не удосуживаемся посмотреть и усомниться в чём-то. На самом деле, противостояние друг другу, конфронтация, есть не что иное как обмен лицами. Суть того, что показывают эти примеры простая – это видение того, чем я являюсь прямо здесь, что я не являюсь вещью. Наша истинная природа – вместимость, пустота, пространство, наполнение тем, что мы воспринимаем, будь то лицо собеседника или вещи вокруг. Если мы соглашаемся с мыслью о том, что являемся тем, чем кажемся, то попадаем в тупик: я – это вещь, и этой вещью я останусь на всю жизнь – своего рода пожизненный приговор быть вещью. Возможно, вещью и приятно быть, но это весьма ограничивает, это значит, что я являюсь только этой вещью и то, что я умру, потому что вещи появляются и исчезают. Но возникает вопрос о том, на что похоже то, где я нахожусь прямо сейчас? Может быть то, где я нахожусь совсем не вещь? И

потому, что это – не вещь, а открытость и вместительность, разве не правда, что я вбираю в себя всё, что доступно – вселенную, как она представлена на данный момент? Не существует разницы, какое-нибудь различия или разделение того пространства, где нахожусь и того, что его наполняет. Таким образом я отстраняюсь от своей видимости, оборачиваюсь к своему истинному лицу, которое является, на самом деле, отсутствием лица, является миром. Тем самым, я как бы обмениваю одну мельчайшую часть вселенной на совокупность всего, смертную ущербную вещь на целый мир. Вещь реальна как видимость из несметного числа других видимостей, но не как реальность. Итак, то, чем я на самом деле являюсь есть не вещь или иначе говоря, все вещи сразу. В итоге всё сводится к вопросам: чем я являюсь по моему собственному опыту здесь и сейчас и из чего я смотрю на мир? Таково и есть основополагающее переживание. Есть множество преимуществ в том, чтобы быть не вещью, а пространством, потому что вещи подвержены риску, они противостоят друг другу и являются угрозой друг для друга. Каждая из них так или иначе утверждает себя, оказывая давление на другую часть своего пространства. Вещи необходимо быть уверенной, что она отделена и никогда не подвергнется вторжению. Вещи исключают друг друга, и в этом, возможно, есть определённая привлекательность, но в тоже время, это делает их уязвимыми, и, по сути своей, действует пугающе, потому что вещи исчезают. Но если я не являюсь вещью, то возникает вопрос, могу ли я вообще исчезнуть, если я – это пространство или осознанность. Являюсь ли я вещью, поглощённой страхом и беспокойством, которая в скором времени обязательно исчезнет и будет забыта или же я – это не вещь и вбираю в себя вещи с различной протяжённостью жизни: от галактик до мелких частиц. Вещи появляются и исчезают в моём пространстве, которое само не является вещью, появляющейся и исчезающей, и поэтому я не испытываю страха, я не боюсь как безумный, если действительно живу, исходя из того, кто я есть.

3.2. Связь между памятью и временем

Мы говорим о времени как о потоке воды: вода меняется, поток прибывает и проходит, но сохраняется форма, ибо каждая новая волна несёт те же функции, что и прошедшая. Образуется теснящий эффект между волнами. Это происходит при поддерживающимся в потоке едином напоре и одного единственного сбоя было бы достаточно, чтобы он перестал существовать. Река не просто течёт – она составляет единое целое. Время существует не для кого-то, т.е. мы не разлагаем его и не лишаем движения. Время – это некто, непрерывно налаживающиеся друг на друга временные измерения, подтверждающие и выявляющие то, что неявно содержалось в каждом из них, а всё вместе это единый напор субъективности как таковой. Мы понимаем время как субъект, а субъект как время. Субъективность не во времени, ведь она лишь осваивает или проживает время, соединяясь со связностью жизни. Не делаем ли мы возврата таким образом к понятию вечности? Вечность питается временем и ощущение вечности обманчиво. Только благодаря непрерывному напору поток воды остаётся тождественным. Вечность – это сон в соотношении с бодрствованием, он заимствует у бодрствования все свои структуры. Получается некое понятие бодрствующего времени, в котором присутствуют корни вечности. Это поле, которое имеет двойной горизонт – исходного прошлого и исходного будущего, с открытой бесконечностью прошедших или возможных полей наличного присутствия. Есть время и обладание настоящим. Момент времени, становясь настоящим, обретает индивидуальность, а понятие «раз и навсегда», позволяющее в дальнейшем проходить сквозь время, и есть иллюзия вечности. Наше настоящее, имея свои горизонты исходного прошлого и исходного будущего, представляет собой зону совпадения бытия и сознания. Если сознание укореняется во времени и бытии, то как можно его представить и описать? Представляет ли оно видение времени и мира, является ли глобальным проектом, может ли стать из неявного явным, т.е.

найти развитие в многообразии. Можно привести пример: писатель, которые не обращается к истокам и берёт время в готовом виде, рассматривает сознание, как множественность психических фактов, между которыми он пытается установить каузальность отношения. Как глобальный проект, всякое сознание рисуется для себя в действиях, опытах, психических фактах, во всём где оно себя видит и узнаёт. Здесь временность проясняет субъективность. Мы не можем понять, как мыслящий или конституирующий субъект может ощущать или воспринимать себя во времени.

Наша сосредоточенность в настоящем и именно из его центра идут наши решения и, следовательно, всегда могут быть соотнесены с нашим прошлым, не лишены каких-либо мотивов и открывая в нашей жизни новый цикл возобновляются в последствии. От дисперсии они спасают только временно. Нельзя выводить время из спонтанности. Наше рождение, наша «порождённость» обосновывает нашу активность или индивидуальность, нашу общность или пассивность, т.е. внутреннюю слабинку, которая всегда мешает достичь полноты абсолютного индивида. Мы не являемся активностью, непостижимо соединённой с пассивностью, не являемся автоматизмом, превзойдённым волей, мы не восприятие, превзойдённое суждением – мы активны и пассивны полностью.

Мы постоянно созерцаем только прошлое. В это нелегко поверить поначалу, но это в корне способно изменить наш взгляд как на время, так и на память. Это мгновенный срез нашей памяти в настоящем к прошлому. К примеру, при чтении книги сразу понять в ней что-то никак нельзя, невозможно осознать мысли автора, если не всплывут какие-то общие воспоминания, переживания или ощущения. Только так можно войти в мир, который описывает и хочет донести до нас автор написанного. В ином же случае это будет просто набор каких-то слов, который не связывается для нас в единое целое. Живым состояние восприятия будет только при включении всей цепочки наших воспоминаний. Например, музыка будет лишь набором звуков, а сидящий перед нами любимый человек не будет вызывать никаких

чувств, душу ничто не потревожит и не вызовет эмоций. Но если человек в разговоре произносит, случайно, какое-либо слово-пароль, то мы как бы включаемся, оживаем, вспоминаем и реакция становится уже совершенно иной. Из этого получается, что всё воспринимаемое нами ничего не значит, и именно по той причине, что всему видимому, мы сами придали значение и важность. Наше отношение ко времени невероятно трудно изменить из-за того, что всё, во что мы когда-либо верили укоренилось во времени и существование этого зависит именно от неизменности этого восприятия. Например, если мы смотрим на обычную чашку, то видим ли мы чашку или припоминаем свой с нею связанный прошлый опыт: как мы держали её в руках; как пили из неё в то или иное время дня, касались губами кромки, и так далее? И не прошлый ли опыт подсказывает как нам стоит относиться к ней эстетически? Откуда нам известно, что если чашку уронить на пол, то она непременно разобьётся? Знаем ли мы о ней хоть что-то, кроме того, что уже постигли в прошлом? Суждение о ней мы выносим руководствуясь опытом прошлого. Так видим ли мы в её действительности? Взглянув вокруг, мы поймём, что это в равной степени можно отнести ко всему, что мы видим. Во всём, на что бы мы не устремили взор, будь то стол, стул, ручка, тело или пейзаж, во всём мы видим только прошлое. Видимый мир представляет собой для нас проекцию своих же собственных мыслей. Захваченность разума прошлым является причиной, из-за которой возникает ошибочное представление о времени и разум теряет видение настоящего времени, которое единственное и существует реально. Таким образом, разуму закрывается возможность достоверно понимать и время, и что либо вообще. Стоить иметь лишь одну мысль о прошлом – мысль о том, что его нет. Думать о нём так же бесполезно, как и фантазировать. Воображение картин прошлого или будущего оставляют разум пустым, ибо в этот момент он на самом деле ни о чём не мыслит. До тех пор, пока разум пребывает во власти бездумных идей, путь истине перекрыт. Прошлое пытается определять будущее, делая одно продолжением другого, действуя полностью в обход

настоящего. Настоящее становится несущественным переходом к будущему, сближающим одно с другим. Образ прошлого старательно бережётся нами, ибо свобода от него представляется для нас невыносимой, и хотя прошлое ушло, мы мысленно воспроизводим его, реагируя на него так, словно оно является настоящим. Подобно этому обусловлено отношение ко всему, что нынче встречается нам – сквозь призму предубеждений из прошлого, затмевающих реальность. Очень точно это выразил Ж.-П. Сартр: «Это солнце и синее небо – всего лишь обман. Вот уже сотый раз я на него попадаюсь. Мои воспоминания – словно золотые в кошельке, подаренном дьяволом: откроешь его, а там сухие листья».³⁵ Самым достоверным и несомненным является то, что мы называем настоящим моментом. Это актуальное восприятие совокупности обстоятельств или восприятие просто предмета, то есть того, что действительно есть. Но когда мы думаем, что увидели что-то новое, то обнаруживается повторение, в смысле того, что до встречи с чем-то, мы уже имели представление о реакции, которая должна следовать после встречи с чем-то кажущимся для нас новым. Всё это когда-то уже было, а значит актуальное восприятие не даёт реального прикосновения к миру. Человек всегда воспринимает настоящее лишь как повод к воспоминанию.

³⁵ *Сартр Жан Поль* Тошнота: [роман] / Жан Пол Сартр; пер. с франц. Ю.Я. Яхниной. – Москва: АСТ, 2014. С. 61

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство процессов, будь то движение, изменение, да и сама жизнь происходят во времени. Но стоит лишь попытаться постичь его природу – как оно сразу же ускользает в самый последний момент. Неизменный, безостановочный ход времени каждую секунду переносит человека от только свершившегося прошлого к настоящему моменту и без промедления к будущему. Неоднократно исследованные, но всё так же малопрояснённые понятия памяти и времени с незапамятных времён и по сей день являются невероятно важными аспектами изучения в человеческой жизни.

Подводя итоги первой главы можно сделать вывод о том, что в представленных концепциях каждого из мыслителей, память выступает как средство для постижения высших ступеней сущего: будь то припоминание истины у Платона, познание Бога через память у Августина, или постижение духом самого себя с помощью воспоминания у Гегеля.

Если подводить итоги второй главы, то исходя из проделанной работы, следует отметить, что отличительным моментом в бергсоновском понимании времени можно назвать оригинальность его подхода к проблематике времени с точки зрения его свойств без включения категории пространства. Но такой подход может быть как сильной, так и слабой стороной и он заключается в полном отделении времени от пространства и невозможности применения к нему математических аспектов счёта. Если время не соотносимо с пространством, это ещё не значит, что его нельзя каким-либо образом измерить или поделить. В данном случае можно провести аналогию,

например, с температурой воздуха. Человек внутренне может ощутить температуру, так же, как и время, но в данном случае ничто не мешает ему пользоваться термометром для её измерения, и тогда, совершенно естественно, встаёт вопрос, почему же при измерении времени не воспользоваться часами? Бергсону свойственно занимать довольно крайние позиции, к примеру, восхвалять интуицию и пренебрегать интеллектом, рассматривать время, полностью отделяя его от пространства.

Гуссерль в своём исследовании проводит нить от объективного времени к субъективному, вливающемуся в «абсолютный временной поток». Схватывание же потока происходит внутри человека, являясь точкой отсчёта как для момента Теперь, так и для ретенции и протенции. Следование от одного момента Теперь к следующему моменту Теперь создаёт законченный поток, который имея связь с событием, всегда оставляет его храниться в памяти человека, тем самым обеспечивая единство временного потока.

Хайдеггер рассматривает время как бесконечную последовательность «теперь», где все моменты переходят один в другой и сам процесс этого перехода не уловить. Прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино и образуют собой экстатически-горизонтальную временность. Забота представляет собой изначальную временность составляющую основу экстазисов прошлого, настоящего и будущего, не существующих один без другого. Из временности и экстазисов, открытых к своим собственным схемам-горизонтам выходит темпоральность, служащая истоком понимания бытия.

Объединяющим моментом во всех трёх представленных концепциях видится изначальное желание так или иначе осуществить разделение времени, причём, как правило, в основном на обычное, повседневное и то, которое протекает внутри сознания человека, оно неуловимо и схватывается лишь интуитивно. Истинное существование человека, как полагают философы, пролегает именно в этих моментах. Так или иначе, каждый из представителей трёх направлений стал новатором в рассмотрении

проблематики времени и выдвинул идеи, выходящие далеко за пределы своего поколения.

Третья глава представила собой размышление о том, кто такой субъект, а так же прослеживание связи между памятью и временем.

На основании проведённой работы, было выяснено, что представляет собой память и время в понимании каждого из представителей философской мысли, а именно Платона, Августина, Гегеля, Анри Бергсона, Мартина Хайдеггера и Эдмунда Гуссерля, а также раскрыто их содержание. Перечень рассмотренных тем и авторов мог бы быть продолжен, но для того, чтобы указать, что тематика памяти и времени всегда была актуальна и остаётся таковой до сих пор, данных указаний вполне достаточно. Прделанная работа не столько подводит к завершению исследования, сколько расставляет наметки для последующих изысканий, которые, безусловно, помогут рассмотреть данную тематику глубже и, возможно, выявить новые аспекты в данной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин Аврелий* Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь : Абеляр П. История моих бедствий.: Пер. с латин. – М.: Республика, 1992 – 335 с. – (Человек в исповедальном жанре).
2. *Алигьери Данте* Божественная комедия. Новая жизнь / Пер. с ит. М. Лозинского, А. Эфроса. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2013. – 786 с. – (Иностранная литература. Большие книги).
3. *Аристотель* Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
4. *Бергсон А.* Длительность и одновременность. 2-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ” », 2013. – 160 с.
5. *Бергсон А.* Материя и память. Собр. соч. т. 3, СПб., 1909.
6. *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания: Время и свобода воли. Пер. с фр. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 224 с.
7. *Блауберг И. И.* Анри Бергсон. – М. : Прогресс-традиция, 2003. – 672 с.
8. *Брэдбери Р.* О скитаньях вечных и о Земле: Пер. с англ. / Сост. и послесл. В. И. Скурлатова. – М. : Правда, 1987. – 656 с., ил.
9. *Бродский И. А.* Избранное / Иосиф Бродский. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. – 848 с.
10. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. М.: Наука , 2000 – 495 с. (Серия «Памятники философской мысли»).
11. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3 Философия духа. Отв. Ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. М., «Мысль», 1977. 471 с.
12. *Губин В. Д.* Человек в поисках Родины. М.: РГГУ, 2010. 264 с.

13. *Гуссерль Эд.* Собрание соч. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. / Сост., вступ. статья, пер. В.И. Молчанова – М. : Издательство «Гнозис», 1994.
14. *Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. – М.: Академический проект, 2010. – 391 с.
15. *Инайят-хан Хазрат Гаян:* песнь суфия / Хазрат Инайят-хан ; пер. С англ. С. Романенко. – 4-е изд. – М.: Амрита, 2013. – 128 с. – (Мудрость суфиев).
16. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 591, [1] с.
17. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 157 с. – (Философские технологии).
18. *Кьеркегор С.* Понятие страха / Пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 217 с. – (Философские технологии).
19. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб: Ювента, Наука – 607 с.
20. *Молчанов В. И.* Исследования по феноменологии сознания. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 456 с.
21. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
22. *Павлов Е.* Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. 2-е изд. / Евгений Павлов; авториз. пер. с английского А. Скидана. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 224 с.

23. *Паткуль А. Б.* Время как горизонт понимания бытия в фундаментальной онтологии *Horizon* Феноменологические исследования Том 1 (1) 2012. с. 28-48.
24. *Платон* Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – 654, [2] с. – (Филос. Наследие).
25. *Рассел Б.* История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
26. *Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). 728 с.
27. *Сартр Жан Поль* Тошнота: [роман] / Жан Пол Сартр; пер. с франц. Ю.Я. Яхниной. – Москва: АСТ, 2014. – 317 , [3] с. – (Эксклюзивная классика).
28. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
29. *Сунягин Г.* Часы и осознание необратимости времени / Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред.-сост. В. Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 363 с. – (Концепции).
30. *Тертуллиан* Избранные сочинения: Пер. с лат. / Общ. ред. и сост. А. А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», Культура, 1994 – 448 с.
31. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени: Пер. с англ. / Общ. ред. М. Э. Омеляновского. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
32. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2013. – 460 с. – (Философские технологии).

33. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.
34. *Херрманн Ф.-В. фон.* Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Пер. с немецкого И. Инишева. – Минск: Пропилеи, 2000. – 192 с.
35. *Челпанов Г. И.* О памяти и мнемонике: Популярный этюд. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 128 с. (Из наследия мировой психологии.)
36. *Черняков А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб. : Высшая религ.-философ. школа, 2001. – 460 с.
37. *Элиот Т. С.* Стихотворения и поэмы : [сборник; перевод с английского] / Томас Стернз Элиот. – Москва: АСТ, 2013. – 605, [3] с.